

УДК 811.161.1

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ МЕСТА НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ОДНОСОСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Кулиева И.Р.

преподаватель

Бакинский славянский университет (Баку, Азербайджан)

a-yashar@rambler.ru

Стаття присвячена визначенню місця і статусу односкладних номінативних речень у загальній системі простого речення в російській мові, зокрема в системі односкладних речень, їх відмінності від односкладних дієслівних речень. Наголошено на важливості актуалізаційної характеристики односкладних номінативних речень, що визначає відсутність у них парадигматичної системи. Обґрунтовані критерії відокремлення називних речень від інших типів односкладних речень, їх відмінності від неповних та еліптичних речень. Підтверджено відсутність номінативних речень у сфері паремійних одиниць. Наведена характеристика неповних речень, які не мають власної окремої структурної схеми та еліптичних речень, у яких пропущено лише присудок із значення “перебування” у формі теперішнього часу. З’ясовані форми реалізації односкладних номінативних речень.

Ключові слова: односкладні речення, номінативні речення, неповні речення, дієслівні односкладні речення, іменні односкладні речення.

SOME THEORETICAL CONDITIONS, RELATED WITH THE DETERMINING THE NOMINATIVE SENTENCES LOCATION IN THE COMMON SYSTEM OF SINGLE-COMPONENT SENTENCES

Quliyeva I.R.

University lecturer

Baku Slavic University (Baku, Azerbaijan)

In this article, an attempt is made to highlight the reasons for the emergence and existence of a sufficiently diverse interpretation of the syntactic-semantic essence of single-component nominative sentences in the Russian language. Our observations allow us to consider the situation connected with the unbiasedness of the parameters of the actual and constructive syntax, the logical foundations of the categories of being (active and passive), as well as the unconditional influence on the functioning of nominative sentences of varieties of speech genres. It seems that only a strict account of all the mentioned properties and parameters in their typological representation can serve as a firm criterion for determining the location of the SNS in the system of single-component sentences and the basis for their systemic classification.

The article is devoted to determining the place and status of non-native sentences in the general system of simple sentences of the Russian language, and in particular, in the system of single-composite sentences, their opposition to the group of verb sentences. The importance of actualizing the characteristics of single-composite nominative proposals is emphasized, which determines their lack of a paradigmatic system. The criteria for demarcating non-native proposals on other types of single-composite proposals, their differences from incomplete and elliptical proposals, the absence of nominative proposals in the field of parimyological units are substantiated. The characterization of incomplete sentences that do not possess their own separate structural scheme and elliptical proposals, which omitted only the said value of being in the form of the present. The forms of implementation of single-composite nominee proposals have been defined.

Key words: the mononuclear sentences, the nominative sentences, incomplete sentences, verbal nominative sentences, subjective nominative sentences.

Место номинативных предложений среди односоставных предложений определяется прежде всего противопоставленностью группы именных предложений (номинативных, генитивных, вокативных) группе глагольных (определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных, безличных и инфинитивных). Такое разграничение является одним из общепринятых положений при классификации односоставных предложений русского языка (Валгина, 1978, с. 164–205; Лекант, 1986, с.75–120; Бабайцева, 1968, с. 28–150 и др.).

Однако следует отметить, что при установлении так называемой “парадигматики номинативных предложений” утверждается якобы имплицитность (невывраженность) глагольного элемента в номинативных предложениях: *Весна. Была весна. Будет весна.* Такая трансформация номинативных предложений в абсолютном большинстве случаев оказывается искусственной, поскольку множество односоставных номинативных предложений (ОНП) не допускают парадигматических трансформ ни по времени, ни по модальности (Лекант, 1986, с. 97).

Актуальность статьи обусловлена необходимостью определения места и статуса ОНП общей системе простого предложения русского языка, и в частности в системе других односоставных предложений, их отграничения от неполных и эллиптических. Целью статьи является обоснование семантико-грамматической отличности односоставных номинативных предложений от других типов односоставных предложений, неполных и эллиптических предложений, определение актуализационных характеристик и классификации форм реализации односоставных номинативных предложений в русском языке.

Как справедливо отмечает П.А. Лекант (1986), форма настоящего времени, характерная для ОНП, это особое настоящее время, оно не соотносится с прошедшим или будущим временем. Поэтому “введение глагола в прошедшем или будущем времени коренным образом меняет синтаксическую позицию существительного и способствует выражению бытийности лексическим путем”, т. е. описательно (*Была полночь; Снегу-то было!*) (с. 97).

Мы вполне солидарны с отмеченным утверждением П.А. Леканта. Действительно, настоящее время номинативных предложений не нуждается в морфологических выразителях и не может быть представлен глагольной связкой; это, как еще в свое время указал К.С. Аксаков, время, когда говорящий не “вспоминает” и не “воображает” что-то, – это время, когда говорящий “называет вещи, предметы своим именем” в пределах того отрезка времени, в котором сам находится, свидетелем чего является сам (Виноградов, 1958, с. 245). С другой стороны, отсутствие парадигмы у таких предложений, как “*Весна. Талые снега*” и т. п. нельзя объяснять лишь с точки зрения возможности / невозможности употребления глагольного слова *быть*. Здесь существенную роль, на наш взгляд, играет актуализационная характеристика ОНП: они представляют ремю высказывания и потому не могут иметь полнокровную парадигматическую систему, которая бывает только у конструкций, представляющих нормальные, тема-рематически расчлененные высказывания (*Наступила тяжелая тишина; Была глубокая ночь*).

То, что ОНП представляют рематические элементы (т. е. они “заряжены” только рематически), подтверждается также тем, что они не могут иметь отрицательных форм: *Ночь – Не ночь; Мороз – Не мороз*. Их отрицательные формы выводят их из сферы ОНП. Получается либо односоставное безличное предложение (Мороза не было), либо генитивное предложение (*Ни единой души!*).

Как видно, по отмеченным двум линиям (отсутствия временной парадигмы и невключения в систему утверждение / отрицание) ОНП, во-первых, противопоставляются как другим односоставным именным предложениям, так и глагольным односоставным предложениям. Что касается актуализационной квалификации (Гамидов, Фарзалиева, 2014, с. 28), то она выводит группу глагольных односоставных предложений из сферы конструктивного синтаксиса (т. е. группу односоставных предложений, имеющих тема-рематическую членность, тема-рематическую модель) и отграничивает группу односоставных предложений, построенных

на базе только ремы: инфинитивные (*Не курить!*; *Стоять!*), номинативные (*Пожар!*; *Какая красота!*), генитивные (*Ни звука!*, *Снегу-то!*), вокативные (*Ну мама!* – со значением упрёка).

Отмеченный критерий первичного деления односоставных предложений поддерживается также следующим общеязыковым фактом. В сфере паремиологических единиц (пословиц и поговорок) нет односоставных номинативных предложений. Причину этого мы видим именно в актуализационной отмеченности (маркированности) ОНП. Пословицы, поговорки представляют полноценные суждения, обладающие смысловой самостоятельностью: Они самодостаточны (в абсолютном большинстве случаев) вне контекста, в своем словарном виде: *Без огня дыма не бывает*; *Зимой у него снега не выпросишь*; *Спать – не молотить (спина не болит)*, *Ни кола, ни двора* и т. п.

Конструктивная устроенность отмеченных пословиц и поговорок свидетельствует об их системно-языковом строении: они однословных вариантов не имеют. Их сентенционность (“рассудительная специфика”) определяет их структуру: их составные элементы выражают различные типы отношений, исходящих не от говорящего субъекта. Номинативные предложения всецело зависят от единства а) говорящего, б) сиюминутной его реакции на пространственно-временную реальность факта действительности. “Другие значения, – пишет П.А. Лекант (1986), – для номинативного предложения несущественны: они являются либо следствием осложнения структуры (*Осень! – Вот осень! – Вот и осень! – Какая осень!*), либо возникают в синтаксическом окружении как функциональные” (с. 106). Отмеченные свойства и признаки, как нам представляется, являются достаточно твердой базой для противопоставления ОНП не только другим типам односоставных предложений (например, глагольным), но и тем односоставным предложениям, которые могут быть морфологически выражены одним словом – инфинитивным, генитивным, вокативным, даже слова-предложениям (*Ладно*; *Порядок*), а также эллиптическим и неполным предложениям.

На вопрос о том, чем отличаются ОНП от односоставных инфинитивных, отвечать нетрудно вследствие их лексико-грамматической противопоставленности: ОНП всегда выражены именной, субстантивной частью речи в форме именительного падежа. Именительный падеж у них сохраняется и в случаях распространенности ОНП – *Тихая гавань*; *Множество парусников*. А инфинитивные ОП формируются либо как “изолированный инфинитив” (*Не шуметь!*), либо как инфинитивный состав (*Окурки на пол не бросать!*; *Подумать только!*).

Что касается разграничения ОНП и неполных предложений, то этот вопрос достаточно широко освещается практически во многих учебниках и академических изданиях. Хороший образец разграничения ОНП и неполных предложений дан Е.М. Галкиной-Федорук, которая опирается на опыт классификации типов неполных предложений А.А. Шахматова: недостаточные предложения (с опущенным подлежащим), нарушенные предложения (с опущенным сказуемым) и дефектные (в которых опущена часть предикативного центра) (Галкина-Федорук, 1958, с. 236–246).

Итак, неполные предложения отличаются от ОНП: а) в неполных предложениях могут быть опущены любые “конструктивно необходимые” элементы, которые восполняются из контекста и ситуации: *Потерял семью. Ну ладно. Нет, так на тебе – кисет* (т. е. потерял и кисет). ОНП не характеризуются свойством опущения строевых элементов – они либо однословны (с главным членом предложения), либо распространенные (распространяется этот главный член предложения (*Господи, какие злые глаза!*)). В ОНП невозможно определить, какой из элементов опущен. Ср.: *Какие глаза!*; *Ну и взгляд*; *Какой острый взгляд!* и т. п.

Неполные предложения семантически и структурно “дефектные”, для самостоятельного существования они обязательно должны быть “достроены”. Для ясного понимания неполного предложения “*Молва себе – молвой*” необходим контекст, в котором данное “предложение”

находит структурную поддержку: *Правда остается правдой, а молва себе – молвой* (А. Твардовский. Василий Теркин). На фоне семантико-структурного параллелизма вторая часть сложносочиненного предложения получает смысловую цельность.

Таким образом, неполные предложения не имеют собственной, отдельной структурной схемы. Они в каждом отдельном случае представляют одну из существующих моделей односоставных или двусоставных предложений. Неполные предложения – результат контекстуальных модификаций существующих синтаксических единиц предикативного строения (подробнее об этом см.8, с.133–137).

Особенно актуальна дифференциация ОНП и так называемых эллиптических предложений типа “*Во дворе злая собака*”, “*Аптека – за углом*” и т. п.

Эллиптические предложения отличаются одним постоянным свойством: в них опущению подвергается только сказуемое (Во дворе находится злая собака), только со значением наличия, нахождения и только в форме настоящего времени. В них, таким образом, позиция этого сказуемого-глагола с одним и тем же значением в одной и той же форме времени оказывается “фразеологизированной”, как отмечает А.В. Фарзалиева (2002, с. 31–34). Следовательно, эллиптические предложения семантически самодостаточны, не нуждаются ни в контексте, ни в восстановлении отсутствующего глагола-сказуемого. Об опущении данного постоянного элемента сигнализируют также обстоятельственные слова “за углом”, “во дворе”, “там”, “езде” и т. п.

Обобщая сказанное выше, можно заключить: ОНП – это особая разновидность односоставных именных предложений, главный член которых, как правило, выражается или “изолированным” именем существительным в именительном падеже или именным сочетанием, эквивалентным с этим существительным. Основное лексико-грамматическое значение ОНП – бытийность, т. е. констатация наличия наблюдаемого факта и выражение обязательного отношения говорящего субъекта к факту собственной речи в “эгоцентрическом времени”, не соотносящегося с формами прошедшего или будущего времен. Идею бытия, как считает К.С. Валгина (1978), ОНП выражают как “статическое бытие предмета” в противовес “динамическому бытию” (с. 186).

Это значение бытия (или констатации бытия) отличается в ОНП тем, что оно всегда сопряжено с грамматическим значением номинативного предложения – предикативностью. “Этим предложениям свойственно предикативное в целом, причем таким предикативным бытие предмета, – отмечает И.П. Распопов, – не конкретизируется, а только указывается как бытие, существование вообще. Это так называемое простое общее предикативное. Оно осуществляется преимущественно средствами интонации” (Распопов, 1958, с.75–76). В двусоставных и односоставных предложениях конструктивного строя интонация играет в первую очередь актуализирующую роль расчленения высказывания на тему и рему. В ОНП же интонация является главным средством организации предикативности, отнесения содержания этих предложений к реальной действительности. Правда, механизм такого отнесения функциональной сути предложения к реальной действительности в разных видах ОНП различается типовым содержанием ОНП той или иной формы. В данном случае мы исходим из существующего реального разнообразия ОНП в расширительном их понимании.

Исходя из принятого нами рабочего определения ОНП, номинативными будем считать следующие формы их реализации: 1. Однословные выражения – *Сумерки. Прохлада*; 2. Распространенные: *Спящая тайга. Вечная мерзлота* (В. Ажаев. Далеко от Москвы, ч. 21); 3. Экспрессивно окрашенные: *Молодчина! Экий подлец!* 4. Выражения типа *Пожар!, Бомба! Танки!* 5. Конструкции, представляющие элемент сложноподчиненного предложения: *Женщина, которая поет; мгновение, которое стоило жизни* и т. д. Это не классификация ОНП, а круг форм их реализации.

Что касается вопроса о значении экзистенциальности и категории бытийности в ОНП, то следует отметить следующее.

Вопрос этот основополагающий для теоретического осмысления семантической структуры предмета нашего внимания. Как мы уже убедились ОНП любой формы и структуры определяются с опорой на эту категорию – категорию бытийности (иначе – экзистенциальности). В синтаксической литературе отмечается формирование отдельной синтактико-семантической теории предложения, именуемой ономазиологической теорией предложения. Данная теория исходит из того понимания, что любое предложение (со значением наличия / отсутствия чего-либо, со значением констатации актуальности или виртуальности и т. д.) “не просто называет нечто, но и констатирует, что это нечто существует или, наоборот, не существует” (Ломтев, 1994, с. 33).

Если исходить из теории ономазиологии предложения, то значение бытия, которое считается определяющим, базовым для ОНП, теряет свою существенность. Этот признак становится всеобщим, недифференцирующим. Им обладают слова, словосочетания и предложения. “Слово, выражая мысль, в ее форме и содержании, как мысль бытия и о бытии, тем самым изобличается как сущность бытия” – пишет С. Булгаков (2008, с. 190).

Поверхностное признание данной теории, таким образом, лишает ОНП семантической базы смысловой специфики. Однако дело обстоит несколько иначе. Дело в том, что общая теория номинации исходит из глубинного, сущностного понимания наименования бытия, обозначенного словом или предложением, т. е. и слово и предложение, если что-то и называют (в смысле того, что что-то существует или не существует), то называют своей глубинной структурой – называют некоторые обобщенные понятия или констатируемую ситуацию.

Что касается номинативных предложений, то их значение экзистенциальности (бытийности) лежит, если можно так сказать, на поверхности. Это – предикативное значение самого главного члена предложения, формируемое с опорой на психологическое восприятие объекта, факта самим говорящим субъектом в одно и то же время в одном и том же пространственном измерении: Ты не в постели? *Вот чудо!* – сказала она, скинула башлык, и пошла дальше (Л. Толстой. Анна Каренина, ч. 2, гл. IX).

Номинативность как категориальное значение предложения вообще (по ономазиологической теории предложения) извлекается из отвлеченного, абстрактного понимания структуры ситуации, названной предложением. Так, номинативность предложения “*Я хочу прочитать эту книгу*” выражается в формуле “субъект испытывает некоторое состояние относительно объекта” или “субъект и его отношение к объекту”. Это – значение модели предложения. И оно в теории квалифицируется как пропозитивный концепт предложения (Ломтев. 1994, с.36).

В номинативных предложениях, таким образом, значение бытийности совпадает как на уровне значения модели, так и на уровне значения конкретного высказывания речи. Это положение еще раз подтверждает специфику синтаксической природы ОНП, а именно то, что ОНП – это комплекс речевых единиц, значение которых обусловлено конкретным пространственно-временным восприятием фактов действительности в призме оценки, квалификации говорящего субъекта.

Сказанного, на наш взгляд, достаточно для теоретического освещения синтаксической сути ОНП, для определения места этих единиц в общей системе простого предложения русского языка и, в частности, в системе односоставных предложений. Этой теоретической трактовки достаточно, видимо, и для построения типологической системной классификации ОНП, которая должна исходить, помимо отмеченного, из ряда противопоставленных параметров квалификации ОНП с позиций актуального / конструктивного синтаксиса, с позиции системы речевых актов, а также с позиции частеречного представления главного члена предложения.

Построение общей классификации ОНП является перспективным направлением исследования этих единиц как заключительная картина теоретического обобщения, что будет представлено в нашей дальнейшей работе.

Литература

- Бабайцева, В.В. (1968). *Односоставные предложения в современном русском языке*. Москва: Просвещение.
- Булгаков, С.Н. (2008). *Философия имени*. СанктПетербург: Наука.
- Валгина, Н.С. (1978). *Синтаксис современного русского языка*. Москва.
- Виноградов, В.В. (1958). *Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потемби и Фортунатова)*. Москва: Изд. МГУ.
- Галкина-Федорук, Е.М., Горшкова, К.В., Шанский, Н.М. (1958). *Современный русский язык. Синтаксис*. Москва: Учпедгиз.
- Гамидов, И.Г., Фарзалиева, А.В. (2014). К теоретическим основаниям классификации односоставных предложений. *Ученые записки Бакинского славянского университета*, 1, 24–32.
- Гамидов, И.Г., Фарзалиева, А.В. (2002). К вопросу о фразеологизации синтаксической позиции в односоставных предложениях. *Тагиевские чтения*. Баку, 31–34.
- Лебедева, Л.В. (1967). *Субстантивные эмоционально-оценочные предложения в современном русском языке*. (Автореф. дисс. канд. филол. наук). Москва.
- Лекант, П.А. (1986). *Синтаксис простого предложения в современном русском языке*. Москва: Высшая школа.
- Ломов, А.М. (1994). *Типология русского предложения*. Воронеж: Изд. ВГУ.
- Распопов, И.П. (1958). К вопросу о предикативности. *Вопросы языкознания*. Москва. 5, 70–77.
- Шведова, Н.Ю. (1975). Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения. *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков*. Ленинград: Наука, с. 123–129.

References

- Babajtseva, V.V. (1968). *Odnosostavnyie predlozhenia v sovremennom russkom jazyke*. Moskva: Prosveshcheniie.
- Bulgakov, S.N. (2008). *Filosofia imeni*. Sankt-Peterburg: Nauka.
- Valgina, N.S. (1978). *Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka*. Moskva.
- Vinogradov, V.V. (1958). *Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потемби и Фортунатова)*. Moskva: Izd-vo MGU.
- Galkina-Fedoruk, E.M., Gorshkova, K.V., Shanskij, N.M. (1958). *Sovremennyj russkij jazyk. Sintaksis*. Moskva: Uchpedgiz.
- Gamidov, I.G., Farzaliieva, A.V. (2014). K teoreticheskim osnovaniiam klassifikacii odnosostavnych predlozhenij. *Uchenyie zapiski Bakinskogo slavianskogo universiteta*. 1, 24–32.
- Gamidov, I.G., Farzaliieva, A.V. (2002). K voprosu o frazeologizacii sintaksicheskoi pozicii v odnosostavnych predlozheniiah. *Tagiievskiiie chteniia*. Baku. 31–34.
- Lebedeva, L.V. (1967). *Substantivnyia tmoisional'no-otsenochnyie predlozheniia v sovremennom russkom jazyke* (Avroref. diss. kand. filol. nauk). Moskva.
- Lekant, P.A. (1986). *Sintaksis prostogo predlozheniia v sovremennom russkom jazyke*. Moskva: Vysshiaia shkola.
- Lomov, A.M. (1994). *Tipologia russkogo predlozheniia*. Voronezh: Izd. VGU.
- Raspopov, I.P. (1958). K voprosu o predicativnosti. *Voprosy jazykoznaniiia*. Moskva. 5, 70–77.
- Shvedova, N.Ju. (1975). Ob osnovnych sintaksicheskich jedinicach i aspektach ich izucheniia. *Teoreticheskiie problemy sintaksisa sovremennyh indoevropskikh jazykov*. Leningrad: Nauka, 123–129.